

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ русскихъ военныхъ журналовъ: „Инженерный Журналъ“ за 1869 г.—
„Русскій Архивъ.“

ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Инженерный Журналъ (1869 годъ).

Предположенія для занятій саперныхъ баталіоновъ.—Положеніе о производствѣ саперныхъ работъ полевыми войсками.—О техническомъ примѣненіи асальта.—О маларномъ дѣлѣ въ Россіи.—Разрушительные пороховые составы въ видахъ примѣненія оныхъ въ минной войнѣ.—О морскихъ загражденіяхъ.

Современное состояніе артилеріи должно было вызвать въ инженерныхъ войскахъ значительныя измѣненія какъ въ образѣ дѣйствій ихъ въ полевой войнѣ, такъ и въ правилахъ касательно атаки и обороны крѣпостей. Взглядъ на это дѣло высказанъ въ приказѣ по инженерному корпусу (помѣщенномъ въ № 6 «Инженернаго Журнала»), «о предположеніяхъ для практическихъ занятій въ 1869 году саперныхъ баталіоновъ». Принимая во вниманіе всю важность примѣненія инженернаго дѣла къ вооруженію и образу дѣйствій пѣхоты и артилеріи и необходимость познакомиться съ этимъ предметомъ офицерамъ всѣхъ родовъ оружія, мы считаемъ полезнымъ привести здѣсь въ краткихъ чертахъ сущность вновь—составленнаго руководства для практическихъ занятій саперныхъ баталіоновъ.

Приступая къ описанію первыхъ *осадныхъ работъ*, руководство даетъ наставленія о расположеніи дальнихъ полевыхъ и осадныхъ батарей, объ ихъ цѣли и о наивыгоднѣйшемъ разстояніи отъ крѣпости,

и затѣмъ переходить къ заложенію паралелей. Первая паралель должна быть заложена въ возможно-близкомъ разстояніи отъ крѣпости, а именно: отъ 300 до 500 сажень. Чтобы скрыть свое намѣреніе и съ успѣхомъ выполнить это важное предпріятіе, слѣдуетъ одновременно и настойчиво отгѣснить непріятельскіе посты и на смежныхъ фронтахъ. Въ первой паралели слѣдуетъ безотлагательно, въ первую же ночь, заложить демонтирныя батареи, имѣя въ виду, по возможности, скорѣе открыть огонь съ осадныхъ батарей, для успѣшнаго противодѣйствія крѣпостной артилеріи, которая въ первую ночь—по невидимости ~~цѣли~~, по неувѣренности разстоянія до паралели и по другимъ обстоятельствамъ—окажетъ лишь слабое сопротивление. Этимъ атакующій долженъ воспользоваться, чтобы утвердиться на занятой позиціи. Въ эту ночь не огонь крѣпостной артилеріи, но ружейный огонь непріятельской пѣхоты, опирающейся на ложементы, можетъ замедлить осадныя работы, а потому слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устроить батареи для обстрѣливанія полевою артилеріею всей впереди-лежащей мѣстности и фланговъ и принять мѣры для отгѣсненія и удаленія непріятеля въ томъ случаѣ, если бы онъ намѣренъ былъ оказать упорное противодѣйствіе заложенію первой паралели.

Вмѣстѣ съ заложеніемъ первой паралели, слѣдуетъ устроить *ходы сообщенія* отъ паралели назадъ и участки траншей для помѣщенія сильныхъ траншейныхъ карауловъ. Осадныя батареи первой паралели должны быть устроены на такое число орудій, чтобы, при открытіи огня, не подвергнуть свою артилерію опасности быть сбитою артилеріею осажденнаго.

Въ слѣдующіе дни надо ожидать постепеннаго усиленія числа орудій на атакованномъ фронтѣ крѣпости, и большую мѣткость и дѣйствительность огня, между тѣмъ какъ главнѣйшимъ препятствіемъ для открытія огня съ осадныхъ батарей будетъ то затрудненіе, которое представляетъ устройство безопасныхъ пороховыхъ погребовъ, на что потребно, по крайней мѣрѣ, вдвое и болѣе времени, чѣмъ на постройку и вооруженіе батарей. И потому, чтобы не остаться въ беззащитномъ состояніи и не допустить обороняющемуся безпачтано выставить большую часть своего оборонительнаго вооруженія, необходимо изыскать способы для скорѣйшаго устройства погребовъ. При обыкновенно употребляемыхъ пороховыхъ погребахъ приходится дѣлать выемку земли отъ 7 до 8 футовъ, произвести довольно сложныя плотничныя работы и подвезти бревна для накатника; кромѣ того, подобныя погреба имѣютъ еще то неудобство, что часто отве-

деніе воды отъ нихъ весьма затруднительно. Важныя неудобства эти можно устранить устройствомъ для храненія зарядовъ деревянныхъ ящиковъ, или, еще лучше, ящиковъ изъ котельнаго желѣза; можно поставить ихъ въ траншеи и, покрывъ сверху настилкою, присыпать земли не менѣе 6 футовъ.

Въ ту же ночь слѣдуетъ удлинитъ участки траншей, расположенныхъ по обѣ стороны подступовъ, и соединитъ ихъ съ первою параллелью и между собою. Тогда образуется на близкомъ разстояніи позади первой параллели *траншейная параллель* для войскъ, охраняющихъ осадныя работы, что позволитъ атакующему стать твердою ногою на занятой позиціи, потому что, въ случаѣ нападенія обороняющагося на батареи, онъ будетъ встрѣченъ предварительно огнемъ полевой артиллеріи и ружейнымъ огнемъ караула между батареями, затѣмъ—сильными резервами изъ траншейной параллели. Въ случаѣ же занятія непріятелемъ какой-либо батареи, онъ также можетъ быть удаленъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ изъ траншейной параллели, направленной во внутренность батарей.

Во вторую и третью ночь слѣдуетъ приступить къ устройству батарей для мортиръ большаго калибра, чтобы тотчасъ открытъ сильный навѣсный огонь. Дальнѣйшіе подступы изъ первой параллели должно подвигать впередъ тогда, когда осадная артиллерія уже въ состояніи бороться съ артиллеріею обороняющагося. Батареи первой параллели должны продолжать дѣйствовать до конца осады; ихъ не слѣдуетъ замѣнять соответствующими батареями во второй и третьей параллели, потому что онѣ составлены изъ орудій такого калибра, котораго дѣйствіе вполне удовлетворительно на разстояніи 300—500 сажень. Замята батарей поведетъ только къ потерѣ времени. Впрочемъ, въ ближайшихъ параллеляхъ могутъ быть устроены новыя батареи, не замѣняющія, но дополняющія огонь прежнихъ. Имѣя въ виду необходимость достигнуть въ артиллерійской борьбѣ рѣшительнаго перевѣса, слѣдуетъ устраивать демонтирныя батареи на число орудій, по крайней мѣрѣ въ $1\frac{1}{2}$ раза превышающее число крѣпостныхъ орудій. Противъ казематированныхъ построекъ слѣдуетъ дѣйствовать *перекидными выстрѣлами*, для чего устраивать особыя батареи.

Всѣ подступы, до вѣнчанія гласиса, слѣдуетъ вести подъ покровительствомъ огня батарей полевыхъ орудій; но, по мѣрѣ приближенія къ крѣпости, слѣдуетъ увеличивать навѣсный огонь умноженіемъ числа смертныхъ батарей, устраиваемыхъ въ первой и во второй параллеляхъ и въ вѣнчаніи гласиса. При этомъ надо имѣть въ виду, что 5 и 2

рудовыя гладкія мортиры не слѣдуетъ ставить далѣе 500 саженъ, а полурудовыя далѣе 200 саженъ.

Кромѣ этихъ указаній, въ особой инструкціи пояснены тѣ главнѣйшіе предметы, на которые надо обращать вниманіе при практическихъ саперныхъ работахъ: именно считается необходимымъ причислить саперныхъ офицеровъ къ разставленію цѣпи и секретовъ впереди-закладываемыхъ траншей, къ разстановкѣ резервовъ, къ сбору цѣпи и секретовъ, на случай вылазки, и проч. Пѣхотные офицеры мало знакомы съ этими правилами, которыя должны соответствовать расположенію осадныхъ работъ; потому, для успѣшнаго хода инженерныхъ работъ, чрезвычайно важно, чтобы саперные офицеры приобрѣли, въ этомъ отношеніи, необходимую опытность и распорядительность.

При разстановкѣ пѣхотинцевъ для производства работъ, указаны тѣ практическіе приемы и правила, которыя должны облегчить исполненіе дѣла. Такъ, считается полевымъ не требовать особой быстроты въ исполненіи, но требовать, чтобы офицеры и нижніе чины дѣйствовали сообразно обстоятельствамъ, съ полнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Что же касается скорости и быстроты, столь необходимыхъ въ дѣлѣ, то онѣ всегда бываютъ послѣдствіемъ порядка, опытности и знанія дѣла.

Вслѣдъ затѣмъ въ руководствѣ указаны основанія для оборонительныхъ дѣйствій, причемъ, главнымъ образомъ, обращено вниманіе на то, чтобы обороняющійся не подчинялся дѣйствіямъ атакующаго, но старался, по возможности, поставить послѣдняго въ зависимость отъ своихъ предпріятій.

— Въ томъ же номерѣ журнала помѣщенъ проектъ положенія о производствѣ саперныхъ работъ полевыми войсками. Для распространенія въ войскахъ свѣдѣній о саперномъ дѣлѣ ежегодно составляются особыя команды въ слѣдующемъ числѣ: отъ каждаго пѣхотнаго полка 1 офицеръ, 3 унтеръ-офицера и 30 рядовыхъ; отъ артиллерійской бригады 1 офицеръ, 1 фейерверкеръ и 16 рядовыхъ. Команды эти обучаются лѣтомъ, большею частью, въ мѣстахъ расположенія саперныхъ бригадъ. Чтобы дать понятіе о требованіяхъ, которыя поставлены при обученіи командъ, укажемъ на програму занятій, установленную для офицеровъ при нихъ находящихся. Офицеры обучаются: глазомѣрной съемкѣ мѣстности, на которой предполагаются укрѣпленія; расположенію на избранной позиціи ложементовъ, траншей, углубленныхъ и горизонтныхъ батарей, простыхъ полевыхъ укрѣпленій, съ цѣлью прикрытія одного или нѣсколькихъ баталіоновъ съ

артиллерію; черченію отъ руки предполагаемыхъ укрѣпленій съ профилями и планами; исчисленію выемки и насыпки укрѣпленія; опредѣленію матеріаловъ для постройки; расчету рабочихъ; трасировкѣ и профилированію укрѣпленій на мѣстности; распределенію людей и порядку производства работъ.

— Въ томъ же номерѣ (6-мъ) «Инженернаго Журнала» указанъ на статью «О техническомъ примѣненіи асфальта», трактующую объ употребленіи этого матеріала при постройкѣ домовъ, дорогъ, тротуаровъ и проч. Въ практическомъ употребленіи, асфальтомъ называется известнякъ, пропитанный горною смолою; онъ имѣетъ шоколадный цвѣтъ и зернистый изломъ; при низкой температурѣ находится въ твердомъ состояніи, по мѣрѣ же возвышенія ея становится мягкимъ и, нагрѣтый до $+ 60^{\circ}$, обращается въ порошокъ. Асфальтъ былъ извѣстенъ въ самыя древнія времена, въ асирійскихъ, египетскихъ и римскихъ постройкахъ; но въ средніе вѣка былъ заброшенъ и вновь появляется въ значительномъ примѣненіи въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, во Франціи, для устройства тротуаровъ. Выгоды, доставляемыя асфальтомъ при устройствѣ тротуаровъ, половъ и проч., повели къ тому, что его стали готовить искусственно, т. е. смѣшивать известь съ горною смолою; однако матеріалъ, полученный такимъ образомъ, рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ природнымъ асфальтомъ по прочности, потому что горячая смола вывѣтривается и известь распадается, такъ что искусственный асфальтъ вскорѣ совершенно вышелъ изъ употребленія.

Асфальтъ на тротуары, мостовыя и полы употребляется двойнымъ образомъ: въ видѣ порошка, пережолотаго изъ чистой руди, и въ видѣ мастики. Для полученія порошка асфальтъ предварительно нагрѣвають, и когда онъ получитъ должный видъ, его рассыпаютъ на мѣстѣ производства работъ, ровняютъ, трамбуютъ горячими трамбовками, и черезъ два часа, когда асфальтъ совершенно простынетъ, укатываютъ большимъ чугуннымъ цилиндромъ, вѣсомъ около 5,000 фунтовъ, послѣ чего мостовая черезъ четыре часа открывается для ѣзды. Приготовленный, такимъ образомъ, асфальтъ французы называютъ *asphalte comprimé*. Чрезвычайно удобный для ходьбы и ѣзды, онъ, имѣетъ съ тѣмъ, мягокъ, упругъ и стирается весьма медленно. При сильномъ движеніи на парижскихъ улицахъ, поверхность асфальта стирается, среднимъ числомъ, не болѣе какъ на одинъ миллиметръ въ годъ. Починка асфальтовыхъ мостовыхъ легка и производится очень скоро. Эти достоинства матеріала заставили многіе го-

рода южной Европы предпочесть асфальтъ всёхъ противъ матеріаловъ для мостовыхъ.

Кромѣ того, асфальтъ употребляется еще въ сплавленномъ видѣ, asphalté coulé. Для приготовления мастики, къ асфальтовому порошку примѣшиваютъ горной смолы (bitume) и смѣсь нагреваютъ до тѣхъ поръ, пока она не придетъ въ состояніе густаго тѣста. Затѣмъ асфальтъ развозится на мѣсто работъ и укладывается тамъ, чтобы одна часть прикладывалась къ другой, куда еще не простыла; иначе нарушится связь между отдѣльными частями пола. Въ послѣднее время, морскіе инженеры убѣдились, что асфальтъ составляетъ превосходный цементъ для подводныхъ построекъ и употребляютъ его съ большимъ успѣхомъ во многихъ портахъ. Въ Варшавѣ, въ настоящее время, одинъ торговый домъ занимается асфальтовыми работами въ большомъ размѣрѣ и намѣренъ открыть свои дѣйствія въ Петербургѣ.

Развитіе желѣзныхъ дорогъ и значительно увеличившаяся потребность въ хозяйственныхъ постройкахъ заставила приспосабливать средства покрытія крыши дешево, скоро и прочно. Изъ всёхъ изобрѣтеній по этой части, пенъковыя, толевныя, смазанныя асфальтомъ крыши болѣе всёхъ прочихъ заслуживаютъ вниманія. Тамъ, гдѣ крыши были устроены съ соблюденіемъ всёхъ конструктивныхъ правилъ, онѣ держатся отлично, и до сихъ поръ не представлялось еще случая, который могъ бы возбудить сомнѣніе въ ихъ прочности. Въ Варшавѣ 1 квадратный футъ асфальтовой крыши стоитъ 5½ копѣекъ.

— Считаешь здѣсь нелишнимъ упомянуть о другомъ техническомъ дѣлѣ, которому посвящена статья г. Пильца въ августовской книжкѣ «Инженернаго Журнала», подъ заглавіемъ: «О малярномъ дѣлѣ въ Россіи». Предметъ этотъ вообще заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ то кажется съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, въ Россію ежегодно приходитъ черезъ таможенную красочныхъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ строительномъ дѣлѣ, болѣе нежели на 6 миліоновъ рублей; прибавляя къ этому цифру внутренняго ихъ производства, которая, конечно, не менѣе ввозной, а также цѣнность масла и рабочей силы, получимъ солидную цифру затраты, которая, въ общемъ экономическомъ смыслѣ, можетъ принести свой процентъ дохода не иначе, какъ въ сбереженіи расхода на срочныя возобновленія окрашиваемыхъ предметовъ, сравнительно съ таковыми же, оставленными безъ окраски. Важность этой отрасли промышленности должна еще значительно, въ нѣсколько разъ, увеличиться, вследствие развитія желѣзно-дорожнаго дѣла.

Такимъ образомъ, несомненно, что подлежащее употребленіе красокъ и масла имѣеть довольно видное экономическое значеніе для государства. Между тѣмъ, по свидѣтельству г. Нильца, коротко знающаго съ ремонтными работами, и казенными, и частными, въ Столицѣ и въ ея окрестностяхъ малярное дѣло находится въ жалкомъ положеніи и краски изводятся, не принося никакой пользы въ сбереженіи матеріала. Для положенія этого положенія, авторъ вводитъ въ нѣкоторыя подробности малярнаго дѣла и ставитъ слѣдующія условія для доброкачественной окраски: 1) хорошее масло въ сыромъ видѣ, 2) надлежащая варка его, 3) хорошее качество красокъ и 4) удовлетворительная перетирка ихъ.

Выдѣлка и выварка масла находится у насъ въ довольно счастливой обстановкѣ: русское масло для красокъ превосходно, гораздо лучше заграницнаго, что зависитъ отъ несовершенства принятыхъ у насъ способовъ выжиманія его изъ сѣмянъ. За границу, побрѣдствожъ гидравлическихъ и паровыхъ пресовъ, сѣмя выжимается до *res plus ultra*, а потому къ маслу присоединяются нѣкоторыя постороннія, непригодныя при окраскѣ, вещества. Не однихъ хорошихъ качествъ масла недостаточно для полученія хорошей олифы: ему непременно надобно отстояться и промерзнуть, для того чтобы физическій складъ чистоты сдѣлался однообразенъ, и чтобы она очистилась отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Обстоятельство это имѣеть въ послѣдствіи огромное вліяніе на доброкачественность красокъ.

Между тѣмъ, у насъ краски приготовляются совершенно иначе: едва добытое, масло тотчасъ же разливается для розничной продажи, варится и тотчасъ поступаетъ на плиты и мельницы для перетирки, а еще чаще прямо въ котелокъ маляра, гдѣ онъ взбалтываетъ его съ краской и прямо покрываетъ неочищенную и сорную поверхность. Известно, чего можно ожидать отъ подобной окраски и въ какомъ затрудненіи бываетъ строитель, имѣющій наилучшія намеренія и немогущій войти во всѣ подробности приготовленія красокъ.

Переходя къ сухимъ матеріаламъ, къ краскамъ, встрѣчаемъ ту же небрежность приготовленія. Главное достоинство краски составляетъ отсутствіе воды, которая, находясь въ ней, весьма вредитъ прочности краски; затѣмъ краска должна быть размельчена въ пылеобразный порошокъ и сѣшана совершенно равномерно съ масломъ. Ни то, ни другое условіе, само собою разумѣется, не исполняется: краски хранятся въ сырыхъ подвалахъ и принимаютъ вождю, а размельченіе, составляя самую дорогую часть приготовленія красокъ

(оно стоит до 4 р. съ пуда), производится самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Весьма понятно, что дурная растирка красокъ удешевляетъ ихъ стоимость иногда болѣе чѣмъ на половину, и этииъ объясняется причина баснословнаго колебанія цѣны на окраску. Такъ напримѣръ, за окраску черлады желѣзной грини нельзя взять дешевле 33 коп. за квадратную сажень, между тѣмъ какъ подрачкии красятъ ихъ по 22 коп., и даже по 18 к. Весь секретъ этой дешевизны заключается въ томъ, что краска, пользуясь мелкостью порошка черлады, не перстирается, а только смѣшивается съ олифой, но за то перстиртая и дѣйствующая крупинки краски весьма скоро смывается дождемъ и отъ дѣйствія солнца отслаивается отъ желѣза.

Такое положеніе дѣлъ понудило нѣкоторые учрежденія, имѣющія въ своихъ рукахъ значительное количество ремонтныхъ работъ, самимъ изготовлять краску для этихъ работъ. Такъ, порты морского министерства приобрѣтають сухую краску и масло и выработываютъ въ своихъ мастерскихъ тертыя краски; военно-инженерное ведомство, послѣ испытанія, съ 1866 г. приняло краски завода Форсмана и Бретшнейдера.

Въ заключеніе авторъ указываетъ на весьма утѣшительное явленіе въ частной промышленности: это заводъ, принадлежащій г. Шпигелю, въ Петербургѣ, на которомъ производство красокъ и заготовленіе масла исполняются съ полнымъ тщаніемъ и съ соблюденіемъ всехъ посаѣднихъ усовершенствованій технической стороны дѣла. Вонтора г. Шпигеля, кромѣ дѣловыхъ справокъ и торговыхъ книгъ, обладаетъ спеціальною бібліотекой по малярному, красочному и красильному дѣлу, равно какъ и всеми относящимися къ этому предмету иностранными журналами.

Читателямъ неизвѣстно, что вопросъ о замѣнѣ пороха другимъ, равносильнымъ ему, составомъ составляетъ, въ настоящее время, интереснѣйшую часть техническихъ изслѣдованій въ различныхъ мѣстахъ Европы. Опыты надъ составами, которые, при меньшемъ количествѣ и болѣе дешевой, чѣмъ порохъ, давали бы одинаковыя съ нимъ результаты, производились многократно; но нигдѣ вопросъ этотъ не получалъ надлежащаго разрѣшенія, нигдѣ не найдено состава, вполне отвѣчающаго вышенепоставленнымъ условіямъ. Тѣмъ не менѣе, наука, здѣсь какъ и вездѣ, мало по-малу приближается къ разрѣшенію задачи. Однимъ изъ удовлетворительныхъ составовъ въ этомъ смыслѣ считается динамидъ, опыты надъ которымъ производились лѣтомъ 1869 года въ обширныхъ размѣрахъ австрійскимъ воен-

нынѣ министерствомъ, на виммерингскомъ помѣ, и о которыхъ нынѣ напечатаны отчеты, помѣщенные въ извлеченіи въ десктомъ номерѣ «Инженернаго Журнала». Настоящіе опыты касались опредѣленія сравнительныхъ качествъ двухъ составовъ: хлопчатобумажнаго пороха и динамида, который есть не что иное, какъ переработанный нитроглицеринъ, но гораздо менѣе его опасный. Опыты съ хлопчато-бумажнымъ порохомъ давно производились въ Австріи, но были приостановлены вслѣдствіе крайней опасности при обращеніи съ нимъ; теперь австрійскій инженерный комитетъ нашелъ, что хлопчато-бумажный порохъ, находясь въ сжатомъ состояніи, не такъ свободно принимаетъ въ себя кислородъ, а вслѣдствіе того не такъ легко самъ по себѣ воспламеняется, чѣмъ и представляетъ менѣе опасности при обращеніи.

Сила разрушительнаго дѣйствія этихъ двухъ составовъ, какъ оказалось на опытахъ, необыкновенно велика, а именно: сила динамида въ 8,10 разъ превосходитъ разрушительную силу обыкновеннаго пороха. Что касается до хлопчатобумажнаго пороха, то оказалось, что, по безопасности и по силѣ разрушительнаго дѣйствія, онъ находится въ равныхъ условіяхъ съ динамидомъ. Испытуемыми составами взрывали палисадныя стѣнки, причемъ дѣйствіе 7½ фунт. состава равнялось, по результатамъ дѣйствій, 70 фунт. лучшаго обыкновеннаго пороха; кромѣ того при употребленіи этого послѣдняго необходимо было озаботиться о забивкѣ, а испытуемые составы, безъ всякихъ предварительныхъ дѣйствій, достаточно приставить къ взрываемому предмету, такъ что преимущество этихъ послѣднихъ при взрывахъ кажется несомнѣннымъ.

Чтобы составить себѣ нѣсколько болѣе полное понятіе о положеніи вопроса относительно замѣны пороха, мы позволимъ себѣ познакомить съ нимъ читателей по статьѣ г. Борескова «Руководство по минному искусству», приложенной къ № 10 «Инженернаго Журнала». Вопросъ о замѣнѣ пороха весьма интересенъ для минера, употребляющаго порохъ при взрывахъ въ большомъ количествѣ, и понятно почему указанный вопросъ вошелъ въ руководство г. Борескова.

Изъ множества разрушительныхъ составовъ, предложенныхъ для замѣны пороха, укажемъ на слѣдующія:

Хлопчато-бумажный порохъ. Пироксалинъ или пироксаль. Изобрѣтеніе хлопчато-бумажнаго пороха относится къ 1846 году, и приписывается германскимъ ученымъ Шенбейну и Бѣтхеру. Для приготовления взрывчататаго хлопка, или пироксалина, пропитываютъ

обширную хлопчатую бумагу сфальсированной кислотой азотной, причем сфальсированной кислотой должно быть почти втрое больше против азотной. Обработанный таким образом хлопок промывают в воде и сушат, после чего он может быть употреблен в дело.

По обращении указанною обработкой обыкновенного хлопка в взрывчатый, в нем прибавляется до 80% воды, и он делается жестче на ощупь, но не меняет цвета и не получает запаха или вкуса.

Для приготовления этого пороха могут быть употреблены лен, солома, ветвь, или куски всякаго другого вещества, называемаго клетчатною или древесною.

Разрывчатый хлопок, хорошо-приготовленный, однообразен по составу, мгновенно воспламеняется и не боится сырости.

В обыкновенномъ состояніи сухости онъ содержитъ въ себѣ около 2% влажности, и если его просушить, то онъ опять быстро вбираетъ въ себя тѣ же 2% влажности, только что извлеченные изъ него просушкою, такъ что присутствіе въ немъ означенной степени влажности можно считать нормальнымъ его состояніемъ. Находясь на открытомъ воздухѣ во время сырой погоды, или сохраняясь въ весьма сырыхъ помѣщеніяхъ, взрывчатый хлопокъ вбираетъ въ себя отъ 6 до 7% сырости; но разложенный на солнцѣ, или выставленный на воздухѣ обыкновенной сухости, скоро просыхаетъ, сохраняя въ себѣ только 2% влажности. Влажное состояніе хлопчатого-бумажнаго пороха и даже подпочва не дѣлаютъ его пригоднымъ къ употребленію, потому что, не просушивъ на воздухѣ, онъ скоро высыхаетъ, не теряя своихъ взрывчатыхъ свойствъ, и затѣмъ можетъ быть употребленъ въ дѣло.

Взрывчатый хлопокъ мгновенно воспламеняется отъ прикосновенія къ нему испры, или отъ мгновеннаго его нагреванія на 137° до 150°; горитъ съ яркимъ вспыхиваніемъ, безъ дыма, и не оставляетъ замѣтнаго осадка. Онъ воспламеняется и отъ удара, но тогда мгновенно стараетъ только та часть хлопка, на которую непосредственно послѣдовалъ ударъ. Сильное сжатіе предохраняетъ хлопокъ отъ горенія въ мѣстѣ сжатія.

Страшная быстрота взрыва рыкаго хлопка производитъ сильно-разрушительное дѣйствіе, а потому много было дѣлаемо попытокъ для уменьшенія этой быстроты горѣнія, что, наконецъ, достигнуто барономъ Ленкомъ, придумавшимъ обращать хлопокъ въ нити желаемой толщины и плотности и свивать ихъ въ канаты произвольныхъ

развѣрзавъ. Такимъ образомъ сильнѣйшимъ или слабѣйшимъ скручиваніемъ нитой достигается желаемая степень горѣнія хлопчатобумажнаго пороха; хлопокъ, приготовленный въ видѣ нитой, при скручиваніи и вложеніи ихъ скручиваніи, можетъ горѣть постепенно, подобно фитилю, обнаруживая только весьма слабое разрывное дѣйствіе.

Вообще баронъ Ленцъ, полковникъ австрійской службы, много трудился надъ усовершенствованіемъ фабрикаціи варывчататаго хлопка, и только благодаря его энергіи и настойчивости, этотъ порохъ удержался еще въ Австріи, тогда какъ въ другихъ государствахъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, произведенныхъ надъ пироксилиномъ, его совершенно оставили.

Такъ, во Франціи, еще въ 1849 году, были прекращены опыты надъ хлопчатобумажнымъ порошкомъ, вслѣдствіе неудовлетворительныхъ результатовъ и несчастныхъ случаевъ, бывшихъ при приготовленіи и храненіи этого вещества, хотя причиною испытанныхъ несчастій могло быть нѣумѣнье обращаться съ хлопчатобумажнымъ порошкомъ, мало еще извѣстнымъ, а не недостатокъ самаго вещества.

Въ Англіи опыты надъ варывчатымъ хлопкомъ тоже были продолжительны; ихъ прекратили по невозможности отвратить случайные взрывы хлопка, изъ которыхъ одинъ, бывшій близъ Дартфорда, погубилъ 24 человѣка и разрушилъ нѣсколько вѣданий. Впрочемъ, въ Англіи отъ времени до времени употребляютъ варывчатый хлопокъ въ небольшомъ количествѣ, для разрушенія горныхъ породъ.

Опыты, произведенные у насъ, въ Россіи, надъ варывчатымъ хлопкомъ, показали, что его разрывное дѣйствіе нѣсколько, не болѣе такого же дѣйствія обыкновеннаго пороха. Для полученія же одинаковаго метательнаго дѣйствія въ артиллерійскихъ орудіяхъ, требовалось отъ 2 до $3\frac{1}{2}$ разъ меньше по вѣсу хлопка, чѣмъ обыкновеннаго пороху, а въ ручномъ огнестрѣльномъ оружій около девяти разъ меньше. Оказалось также, что хлопчатая огнестрѣльная бумага можетъ, въ случаѣ нужды, замѣнить обыкновенный порохъ.

Вообще изъ приведенныхъ опытовъ надъ пироксилиномъ можно заключить, что это вещество весьма пригодно для подрывныхъ работъ, и что оно, обращаясь мгновенно въ газы, дѣйствуетъ весьма разрушительно на окружающіе его предметы.

При подрывныхъ работахъ, сила пироксилина къ силѣ обыкновеннаго пороха относится какъ 3 : 1, т. е. для полученія того же результата, какой произведенъ обыкновеннымъ порошкомъ, нужно упо-

требить, по вѣсу, втрое менѣе пироксилина. Если можно зацѣпить въ немъ невыгоды, то только относительно его дороговизны и сравнительно значительнаго объема, требующаго большихъ сосудовъ для его помещенія. Если бы фабрикація пироксилина была у насъ болѣе распространена, то, конечно, этотъ продуктъ былъ бы дешевле; въ настоящее же время его приходится заказывать въ антонахъ, съ платою до 5 рублей за фунтъ.

Призматическій порохъ. Во время послѣдней американской войны, потребность въ порохѣ была такъ велика, что не доставало рукъ для его изготовленія; для ускоренія выдѣлки пороха, американцы вынуждены были отбѣивать зерненіе и сжимать пороховую мякоть въ видѣ цилиндровъ различныхъ размѣровъ, соответствующихъ калибровъ орудій. Такіе цилиндры, по ихъ воспламененіи, не вполне сгарали; часть заряда вылетала изъ дула несгорѣвшею, слѣдовательно, терлась напрасно; кромѣ того, по меньшему количеству газовъ, выдѣляемыхъ только частью заряда, уменьшалась и начальная скорость полета снаряда. Тогда, для ускоренія горѣнія пороховыхъ цилиндровъ, придумали просверливать въ нихъ продольныя и поперечныя отверстія, что и повело къ лучшимъ результатамъ. Опыты надъ порохомъ, приготовленнымъ въ видѣ сильно-пресованныхъ цилиндровъ съ отверстіями, показали, что, для орудій большаго калибра, такой порохъ имѣетъ преимущество передъ обыкновеннымъ зерненымъ. Это, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что, при употребленіи пресованнаго пороха, медленнѣе горящаго, снарядъ, до вылета его изъ орудія, долѣе подвергается дѣйствію пороховыхъ газовъ, количество которыхъ постепенно возрастаетъ, дѣлаясь наибольшимъ въ моментъ вылета снаряда; вслѣдствіе этого снарядъ пріобрѣтаетъ болѣе значительную и правильную скорость, дѣйствуя въ то же время менѣе разрушительно на стѣны орудій. Кромѣ того, пресованіемъ достигается меньшій объемъ зарядовъ, и они выходятъ почти на $\frac{1}{3}$ короче, но, несмотря на то, увеличиваютъ начальную скорость на 20%. Для доставленія этому пороху удобствъ въ примѣненіи его къ дѣйствію изъ орудій, г. Рауманъ предложилъ готовить его въ видѣ призмъ, что и было принято, а самый порохъ получилъ названіе призматическаго.

Сравнивая горѣніе призматическаго пороха съ обыкновеннымъ зерненымъ, или горѣніе одной призмы съ однимъ зерномъ, легко замѣтить, что въ призматическомъ порохѣ горѣніе происходитъ не только снаружи, но и съ внутренней поверхности каждаго изъ сквозныхъ отверстій, слоями, постоянно расширяющимися, такъ что наибольш-

шее количество газовъ отдѣляется въ послѣдній моментъ, при вылетѣ снаряда изъ дула. Зерно обыкновеннаго пороха начинаетъ горѣть съ поверхности, слоями послѣдовательно уменьшающимися, т. е. объемъ каждаго послѣдующаго слоя, будетъ менѣе объема предъидущаго слоя, а потому наибольшее количество газовъ отдѣляется обыкновенными порохомъ въ первые моменты, когда снарядъ едва еще успѣлъ сдвинуться съ мѣста, и сообщаютъ ему сразу весьма значительную скорость, которая, при послѣдующемъ движеніи снаряда по каналу орудія, быстро убываетъ. Слѣдовательно, разрушительное дѣйствіе зерненаго пороха на стѣны орудія должно быть болѣе такою же дѣйствія призматическаго пороха; метательное же дѣйствіе у того и другаго можетъ быть одинаково, или даже у призматическаго пороха сильнѣе.

Отсюда видно, что, по меньшему разрушительному дѣйствію на орудіе, призматическій порохъ имѣетъ преимущество передъ зерненымъ, но употребленіе его можетъ быть выгодно только для орудій весьма большихъ калибровъ; напротивъ, для ручнаго огнестрѣльнаго оружія необходимо оставить обыкновенный зерненный порохъ.

Нитроглицеринъ. Нитроглицеринъ получается изъ глицерина, если въ послѣднемъ водородъ будетъ замѣщенъ азотноватою кислотою; глицеринъ же, какъ извѣстно, составляетъ основаніе всѣхъ жировъ.

На вкусъ нитроглицеринъ сладокъ, остеръ и ароматиченъ. Онъ весьма ядовитъ, а потому требуетъ осторожнаго съ нимъ обращенія, тѣмъ болѣе, что даже одно вдыханіе его, неизбежное, напримѣръ, при изготовленіи зарядовъ, производитъ сильныя головныя боли; употребленіе же его внутрь можетъ быть смертельно. При продолжительномъ храненіи нитроглицерина, нужно отъ времени до времени его промывать и перемѣнять находящуюся на немъ воду тотчасъ, какъ только замѣтятъ ея окисленіе.

Нитроглицеринъ, въ особенности когда онъ нечистъ и кисель, можетъ разлагаться самъ собою, отдѣляя значительное количество газовъ, съ образованіемъ глицериновой и щавелевой кислотъ; поэтому намъ кажется, что храненіе его въ открытыхъ сосудахъ было бы безопаснѣе.

Для безопаснаго храненія нитроглицерина, г. А. Нобель предлагаетъ растворять его въ древесномъ спиртѣ, или въ алкоголѣ. Нитроглицеринъ, растворенный въ алкоголѣ, теряетъ взрывныя свойства и не воспламеняется отъ удара или отъ возвышенія температуры. При обработкѣ водою раствореннаго въ спиртѣ нитроглицерина, послѣдній выдѣляется, для чего достаточно вылить растворъ въ чашъ съ

тройнымъ количествомъ воды и промывать его въ немъ до осажденія нитроглицерина.

Капля раствора нитроглицерина, налитая на наковальню, не произведетъ взрыва отъ удара по ней молотомъ, но если къ каплѣ раствора прибавить каплю воды, то отъ удара молотомъ произойдетъ сильный взрывъ. Этотъ опытъ доказываетъ, что, при содѣйствіи воды, можно всегда возстановить взрывныя свойства нитроглицерина, отнятыя у него алкоголемъ.

При приближеніи пламени, нитроглицеринъ легко воспламеняется, и горитъ съ трескомъ и вспышками, распространяя запахъ азотноватой кислоты; намоченная имъ бумага горитъ какъ населитренная.

При медленномъ нагрѣваніи онъ постепенно разлагается, отдѣляя пары азотноватой кислоты; при быстромъ же нагрѣваніи до $+180^{\circ}$ разлагается со взрывомъ и безъ остатка, обнаруживая при взрывѣ въ значительной степени дробящую и отчасти метательную силы.

Нитроглицеринъ можетъ воспламениться и отъ сильнаго удара, но при этомъ огонь сообщается только части, непосредственно получившей ударъ; остальной же нитроглицеринъ можетъ разбрызгаться, не воспламеняясь.

Шафнеръ (въ статьѣ своей, помѣщенной въ «Scientific American») заявляетъ о совершенной безопасности нитроглицерина, что онъ доказываетъ слѣдующимъ:

1) Шафнеръ произвелъ нитроглицериномъ отъ 5 до 6,000 взрывовъ и при этомъ не было ни одного несчастнаго случая;

2) зажженный нитроглицеринъ горитъ красноватымъ пламенемъ, но взрыва при этомъ не происходитъ, и

3) Шафнеръ возилъ съ собою нитроглицеринъ по дурнымъ дорогамъ, дѣлая отъ 6 до 7 верстъ въ часъ; но сотрясенія, претерпѣваемые при этомъ нитроглицериномъ, оказались безвредными.

Нитроглицеринъ открытъ въ 1847 г. артилерійскимъ генераломъ итальянской службы Собреро; но способъ, предложенный имъ для приготовленія новаго состава, оказался неудобнымъ, въ особенности для изготовленія его въ большомъ количествѣ, такъ какъ Собреро считалъ возможнымъ готовить заразъ не болѣе 10 унцій нитроглицерина.

Честь усовершенствованія нитроглицерина и приготовленія его въ большомъ количествѣ, а, главное, примѣненіе къ подводнымъ и подземнымъ взрывамъ, принадлежитъ полковнику русской гвардейской

артилеріи, г. Петрушевскому (*). Подъ его руководствомъ, офицерами технического гальваническаго заведенія и нижними чинами гальванической учебной роты, въ августѣ и сентябрѣ 1863 года, приготовлено въ С. Петербургѣ 183 пуда чистаго нитроглицерина отличныхъ качествъ.

При первоначальныхъ опытахъ, у насъ употребляли нитроглицеринъ съ тройнымъ количествомъ, по вѣсу, обыкновеннаго пороха, считая его необходимымъ для мгновеннаго нагрѣванія всего нитроглицерина до температуры, потребной для его воспламененія; вскорѣ, однако, нашли возможнымъ воспламенять произвольное количество нитроглицерина обыкновеннымъ гальваническимъ запаломъ, наполненнымъ нѣсколькими золотниками пороху.

При произведенныхъ опытахъ надъ дѣйствіемъ нитроглицерина въ землѣ и на желѣзные щиты оказалось, что онъ обнаруживаетъ значительно большую дробящую силу, нежели обыкновенный порохъ, а при образованіи въ землѣ воропохъ, сила обыкновеннаго пороха отнеслась къ силѣ нитроглицерина какъ 1 : 3.

Въ Швеціи, въ Германіи и въ Швейцаріи употребляютъ нитроглицеринъ съ большимъ успѣхомъ для взрыванія скалъ, что производится слѣдующимъ образомъ: въ высверленный въ скалѣ цилиндръ вливаютъ определенное количество нитроглицерина (отъ 3 до 5 фунт.), взрывая его помощью запала, состоящаго изъ пороховаго патрона съ стопномъ, или палительною свѣчей, доводимую до поверхности налитаго нитроглицерина; цилиндръ же, по окончаніи заряжанія, забиваютъ пескомъ или наполняютъ водою.

Главное назначеніе нитроглицерина, какъ вѣдется, должно состоять въ употребленіи его для подводныхъ минъ, приготовляемыхъ для пребыванія броненосныхъ судовъ, трудно уязвимыхъ обыкновеннымъ порохомъ.

Исслѣдованія надъ дѣйствіемъ нитроглицерина продолжаются у насъ и по настоящее время; главная ихъ цѣль должна состоять въ томъ, чтобы сдѣлать нитроглицеринъ вполне безопаснымъ для употребленія, тѣмъ болѣе, что опыты надъ нимъ уже стоили жизни нѣсколькимъ нижнимъ чинамъ гальванической роты, между которыми имена фельдфебеля Басова и унтеръ-офицера Серезкина, пострадавшихъ во имя науки и горячей любви къ своему дѣлу, будутъ повторены съ уваженіемъ министрами и перейдутъ въ позднѣйшее потомство.

Динамитъ. Для приданія нитроглицерину безопасности при хра-

(*) Обыкновенно первое примѣненіе нитроглицерина къ взрывамъ ошибочно приписываютъ шведскому уроженцу Альфреду Нобелю.

невіи и перевозкѣ его, придумали смачивать имъ разнаго рода пористыя тѣла, какъ-то: древесныя опилки, уголь, бумагу, магнезію, и т. п. Г. Нобель приготовилъ смѣсь изъ кремнезема, соды и нитроглицерина, и полученное имъ чрезъ сжѣщеніе вещество назвалъ *динамидомъ*. Динамидъ имѣеть видъ буроватаго порошка, въ родѣ мелкихъ, слегка смоченныхъ опилокъ, на ощупь нѣсколько жирноватыхъ, но безъ запаха.

По увѣренію г. Нобеля, зажженный динамидъ быстро сгораетъ безъ взрыва, какъ слегка отсырѣвшій порохъ. Точно также онъ сгоритъ безъ взрыва, если наполненный имъ патронъ бросить въ огонь. Къ удару и сотрясенію динамидъ остается нечувствительнымъ, такъ что патрономъ, наполненнымъ динамидомъ, можно сильно ударять о твердое тѣло, не опасаясь взрыва состава. Если насыпать динамидъ на наковальню и ударить по ней молотомъ, то отъ удара воспламеняется только части, къ которымъ непосредственно коснулся молотъ, не передавая огня всему заряду. Взрывъ динамида возможенъ только при помощи жѣднаго капсюля, или патрона особеннаго устройства, наполненнаго гремучей ртутью и снабженнаго стопиномъ.

Полковникъ Петрушевскій приготовляетъ порошкообразный нитроглицеринъ, состоящій, какъ кажется, изъ одной магнезіи, смоченной нитроглицериномъ. Порошкообразный составъ г. Петрушевскаго содержитъ въ себѣ, повидимому, болѣе нитроглицерина, нежели его заключаетъ въ себѣ динамидъ г. Нобеля, а потому надобно полагать, что дѣйствіе перваго будетъ сильнѣе дѣйствія послѣдняго.

По нашему мнѣнію, какъ динамидъ; такъ и порошкообразный нитроглицеринъ, во всякомъ случаѣ, будутъ дѣйствовать слабѣе жидкаго нитроглицерина, и именно на количество твердыхъ частей, входящихъ въ составъ порошка. Слѣдовательно, при одинаковой силѣ зарядомъ жидкаго нитроглицерина, динамидовый зарядъ займетъ большій объемъ и потребуетъ для своего помѣщенія сосудовъ (или зарядныхъ ящиковъ) въ значительныхъ размѣрахъ.

При взрывѣ динамида или порошкообразнаго состава, полезное дѣйствіе будетъ оказано только нитроглицериномъ, впитавшимся въ твердыя части, тогда какъ послѣднія будутъ составлять остатокъ, который въ динамидѣ превышаетъ $\frac{1}{3}$ всего заряда.

Порохъ Шульца, артилерійскаго капитана прусской службы. Для приготовленія этого пороха берутъ древесныя опилки и кипятятъ ихъ дважды въ растворѣ соды въ продолженіе 3 или 4 часовъ; потомъ подвергаютъ дѣйствію пара, бѣлятъ хлоромъ, сушатъ и, наконецъ, намачиваютъ растворомъ азотной и сѣрной кислоты, послѣ чего опе-

рація оканчується промывкою въ водѣ и окончательнымъ просушиваніемъ.

Продуктъ, приготовленный описаннымъ способомъ, еще безвреденъ и не обладаетъ разрывными свойствами, а потому и можетъ быть хранимъ въ погребахъ безъ всякаго опасенія. Для обращенія же этого вещества въ матеріалъ, способный производить взрывъ, достаточно его настаивать, около четверти часа, въ растворѣ селитры. Порохъ Шульца хорошъ тѣмъ, что готовится безопасно, не пачкаетъ канала орудія и даетъ мало дыму; но, во всякомъ случаѣ, послѣднее слово о немъ возможно только послѣ обширныхъ опытовъ.

Порохъ Филда (изъ Америки) состоитъ изъ двухъ веществъ: бѣлаго и чернаго, которыя смѣшиваются передъ самымъ употребленіемъ. Подробный составъ этихъ веществъ составляетъ секретъ изобрѣтателя.

Бѣлый порохъ Ожандра состоитъ изъ 49 частей, по вѣсу, хлорновато-кислаго кали, 28 частей желѣзисто-синеродистаго кали и 23 частей сахару. Сила его къ силѣ обыкновеннаго пороха относится какъ 3 : 5. Неудобство его въ томъ, что сильно портитъ орудія.

При обнаружившемся, въ настоящее время, стремленіи минеровъ къ замѣнѣ обыкновеннаго пороха другимъ, болѣе сильнымъ веществомъ, изложенныя въ этой главѣ свѣдѣнія покажутся, быть можетъ, слишкомъ краткими и недостаточными; но мы надѣемся, что сдѣланныя нами сообщенія, при всей ихъ неполнотѣ, въ состояніи удержать отъ слишкомъ опрометчивыхъ предложеній и избавить отъ напрасныхъ тратъ на опыты, которые не могутъ доставить желаемыхъ результатовъ. Въ то же время сдѣланныя нами сообщенія, быть можетъ, побудятъ къ производству несомнѣнно-полезныхъ изслѣдованій.

Морскія преграды, устраиваемыя съ цѣлью загражденія непріятелю входа въ портъ, до сихъ поръ служили спорнымъ пунктомъ при сужденіи объ оборонѣ береговъ. Многіе опытные моряки государствъ, обладающихъ большими флотами, положительно высказывались противъ морскихъ преградъ, считая ихъ бесполезными и даже стѣсняющими и затрудняющими наступленіе собственнаго флота; поэтому ихъ допускали лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда флотъ обороняющагося значительно уступалъ морскимъ силамъ наступающаго. Другіе, напротивъ, полагаютъ, что даже для сильныхъ морскихъ державъ необходимы значительные форты, укрѣпленные морскими преградами, могущіе служить основаніемъ для дѣйствующаго флота. Такого мнѣнія держится, въ настоящее время, англійское правитель-

ство, предположившее устроить обширныя укрѣпленія въ Плимутѣ, въ Портлендѣ, Портсмутѣ и др. и приступившее къ исполненію своихъ предположеній, несмотря на рѣзкія возраженія нѣкоторыхъ органовъ морской литературы. Въ сентябрьской книгѣ «Инженернаго Журнала», помѣщена статья, касающаяся этого предмета и заимствованная изъ сочиненія: «A. Treatise on Coast-defence; by Scholihа». (Трактатъ объ оборонѣ береговъ; Шелья). Въ этомъ сочиненіи съ подробностью обработана теоретическая и практическая часть дѣла и выводы подтверждены многочисленными примѣрами, преимущественно заимствованными изъ послѣдней американской войны. Въ продолженіе всей этой войны, по замѣчанію автора, не было ни одного примѣра, чтобы морская атака имѣла успѣхъ, если входъ въ гавань или на рейдъ былъ прегражденъ, и наоборотъ: при отсутствіи преградъ, всѣ морскія атаки оканчивались весьма успѣшно. Поэтому слѣдуетъ заключить, что морскія преграды необходимы во всѣхъ случаяхъ, когда флотъ обороняющагося или его укрѣпленія недостаточно сильны для того, чтобы могли предупредить атаку непріятельскаго флота. Всѣ морскія преграды, раздѣляющіяся на постоянныя, выведенныя со дна, и плавучія, должны быть устраиваемы заблаговременно, въ широкое время. Что касается до положенія ихъ относительно береговыхъ и плавучихъ батарей, то, очевидно, преграды должны находиться въ сферѣ дѣйствія артилеріи; въ противномъ случаѣ, преграды не только не составятъ никакого препятствія непріятельскому флоту, но и не выполнятъ другаго своего назначенія, еще болѣе важнаго — не задержать непріятельскихъ судовъ подъ дѣйствительнымъ и сосредоточеннымъ огнемъ береговыхъ орудій.

Русскій Архивъ, издаваемый при Чертковской библиотекѣ, библиотечаремъ Петромъ Бартевевымъ. Москва. 1868—1869.

III.

Воспоминанія объ учебномъ заведеніи для козювожатыхъ, основанномъ генералъ-маіоромъ Н. Н. Муравьевымъ.

Вскорѣ послѣ окончанія борьбы Россіи съ Наполеономъ I, возникло въ Москвѣ частное военно-учебное заведеніе, основанное генералъ-маіоромъ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ для приготовленія офицеровъ генеральнаго штаба, или, какъ тогда ихъ называли, козювожатыхъ (свиты Его Величества по квартирмейстерской части). До основанія этого училища, Россія не имѣла подобна-

го спеціального учебнаго заведенія, и въ генеральный штабъ выпускались лучшіе по успѣхамъ въ наукахъ воспитанники кадетскихъ корпусовъ и пажескаго корпуса; отчасти поступали въ этотъ родъ службы и кончившіе курсъ въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ. Такимъ образомъ, муравьевское училище колоновожатыхъ замѣняло, въ то время, нынѣшнюю академію генеральнаго штаба. Справедливость требуетъ сказать, что оно надѣлило нашу армію многими достойными дѣятелями, изъ которыхъ иные заслужили громкое историческое имя на боевомъ поприщѣ, а другіе заняли почетное мѣсто между военными писателями или приобрѣли извѣстность своими военно-учеными трудами.

Въ сожалѣнію, военная литература наша не имѣетъ полной и обстоятельной исторіи этого замѣчательнаго, въ своемъ родѣ, военно-учебнаго заведенія, основаннаго частнымъ человекомъ, изъ истинно-патріотическихъ и безкорыстныхъ побужденій, и стоявшаго ему большихъ суммъ. Намъ извѣстно, что, въ концѣ сороковыхъ годовъ, бывший питомецъ муравьевскаго училища колоновожатыхъ, покойный генералъ-маіоръ Болотовъ, профессоръ геодезіи при военной академіи (нынѣшняя академія генеральнаго штаба), составилъ довольно подробный историческій очеркъ учебнаго заведенія Муравьева и намѣревался напечатать его въ «Военномъ Журналѣ»; но, по тогдашнимъ правиламъ, статья Болотова должна была пройти многія и многія инстанціи, чтобы быть одобреною къ обнародованію, и, въ концѣ концовъ, не была одобрена. Въ майской книжкѣ «Современника» за 1852 годъ, появилась біографія Н. Н. Муравьева, въ которой заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія и о его училищѣ; но этого, конечно, слишкомъ мало для надлежащаго ознакомленія съ учебнымъ заведеніемъ, достойнымъ имѣть своего историка. «Воспоминанія», помѣщенные въ «Русскомъ Архивѣ» и принадлежація одному изъ питомцевъ училища колоновожатыхъ (г. Басаргану), также не могутъ имѣть притязанія на полную историческую картину; но они изобилуютъ такими фактами, которые позволяютъ судить не только о внѣшней обстановкѣ муравьевскаго учебнаго заведенія, но о духѣ воспитанія и образованія, въ немъ преобладавшемъ, и о самомъ основателѣ и руководителѣ училища.

Училище имѣло *пять* классовъ: четвертый классъ, низшій или приготовительный; *второе* отдѣленіе третьяго класса; *первое* отдѣленіе этого класса, второй и первый классы. Какъ видно изъ «Воспоминаній», относящихся къ 1818 и 1819 годамъ, въ училищѣ преподавались предметы *общіе* и *спеціальные*. Изъ общихъ предме-

товъ проходились въ первыхъ трехъ классахъ (начиная съ низшаго): священная исторія, русская грамматика, русская и всеобщая исторія, географія, французскій языкъ; но уже съ четвертаго, т. е. низшаго класса, воспитанники занимались черченіемъ и ситуационнымъ рисованіемъ, а въ третьемъ изучали полевую фортификацію. Во второмъ классѣ были читаемы: долговременная фортификація, правила съемки, съ объясненіемъ употребленія инструментовъ, черченіе и рисованіе плановъ; въ высшемъ классѣ: тактика, военная исторія, геодезія и общія правила большой съемки. Весь курсъ математики, необходимой для офицерскаго экзамена, проходилъ въ теченіе года, такъ что тотъ коноводъ, который выдерживалъ переводный изъ класса въ классъ экзаменъ, могъ пройти курсъ въ одинъ годъ и быть допущеннымъ къ испытанію въ офицеры. Но если кто хотя одинъ разъ оставался въ прежнемъ классѣ, тотъ могъ быть выпущенъ только на слѣдующій годъ.

Въ то время, къ которому относятся «Воспоминанія», составъ начальствующихъ и преподающихъ лицъ въ училищѣ былъ слѣдующій: начальникъ—генераль-майоръ Николай Николаевичъ Муравьевъ; помощникъ и инспекторъ классовъ—его сынъ, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ; преподаватели—офицеры квартирмейстерской части: Волошинъ, Христиани, Вельяминовъ-Зерновъ, Бахметевъ, Зубковъ, кн. Шаховской, Брюковъ, Діаконовъ. По свидѣтельству автора, самъ генераль-майоръ Муравьевъ мастерски читалъ военную исторію и тактику: «объяснялъ чрезвычайно ясно, говорилъ увлекательно, примѣшивая въ свою лекцію множество любопытныхъ и поучительныхъ анекдотовъ изъ своей долговременной военной жизни, и все это передавалось имъ съ такимъ добродушіемъ, съ такимъ знаніемъ дѣла и понятій каждаго изъ слушателей, что его лекціи считались не ученіемъ, а скорѣе отдохновеніемъ и пріятною поучительною бесѣдою». Воспитанники, обращавшіеся къ генералу за какими-либо поясненіями, всегда были увѣрены, что онъ съ удовольствіемъ удовлетворитъ ихъ любознательности; офицеры-преподаватели также охотно занимались, у себя на дому, съ тѣми молодыми людьми, которые просили ихъ растолковать имъ что-либо непонятое ими; да и между самими взрослыми воспитанниками существовали такая связь и такое усердіе помогать другъ другу, что каждый готовъ былъ отказаться отъ естественныхъ молодости развлеченій, лишь бы передать или пояснить товарищу то, что онъ или не вполне усвоилъ себѣ на лекціи, или если случайно пропустилъ лекцію. «Этотъ духъ товарищества и желанія по-

могать другъ другу — прибавляетъ авторъ — былъ слѣдствіемъ того направленія, которому генералъ Муравьевъ умѣлъ подчинить наши юные умы». Никакихъ особенно-строгихъ мѣръ и выспяній къ училищъ принимаемо не было; всѣ благіе результаты воспитанія и образованія достигались благороднымъ дукомъ, водвореннымъ умнымъ и добрымъ начальникомъ, и потому авторъ, по прошествіи полувѣка, выражаетъ глубокое убѣжденіе, что всѣ вышедшіе изъ заведенія молодые люди отличались, особенно въ то время (1818, 1819, 1820 гг.), «не только своимъ образованіемъ, своимъ усердіемъ къ службѣ, равностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но и *прямотою, честностію своего характера*, честно шли по тому пути, который выпалъ на долю каждаго, и съ достоинствомъ сохранили то, что было посвящено и развито въ нихъ въ юношескія ихъ лѣта».

Учебное заведеніе было открытое; офицеры и козюковатые (юнкера) жили на своихъ квартирахъ и собирались ежедневно на лекціи утромъ въ восемь часовъ (зимой въ девять), оставались въ училищѣ до двѣнадцати, и затѣмъ вновь приходили въ два часа пополудни и оставались до шести часовъ. Такимъ образомъ всѣхъ учебныхъ часовъ было восемь въ день. За ученіе никакой платы съ учащихся не брали. Въ маѣ, козюковатые отправлялись, подъ надзоромъ офицеровъ, въ село Осташево, имѣніе Муравьева, во ста верстахъ отъ Москвы, развѣщались въ деревнѣ по крестьянскимъ избаамъ и приступали къ лѣтнимъ занятіямъ: съемнѣ, фронтовому ученію и т. д. Научныя занятія прекращались, за исключеніемъ втораго класса, въ которомъ преподаваніе продолжалось до окончанія всего плаваннаго курса. Тѣ изъ козюковатыхъ, которые, по эману, были переводимы въ первый классъ, равно и воспитанники этого послѣдняго класса, слушали, послѣ лѣтнихъ занятій (около половины сентября), курсъ на офицерскій экзаменъ, который бывалъ въ декабрѣ, а иногда въ январѣ и въ февралѣ, и, какъ видно изъ «Воспоминаній», отличался большою строгостію. Въ 1819 году экзаменовалось въ офицеры 21 человекъ. Ежедневно, кромѣ воскресній и праздникоуъ, были экзаменованы только по два человека, одинъ отъ 9 до 12 часовъ, другой отъ 3 до 6 часовъ по-полудни. Каждый козюковатый обязывался выдержать два испытанія: одно изъ наукъ математическихъ, другое изъ военныхъ.

Для съемни, козюковатые развѣщались, въ концѣ мая, по Московской губерніи. Она была трехъ родовъ: большая, средняя и малая. Двѣ первыя предназначались для общей тригонометрической сѣти; въ первой употребляли повторительный кругъ, во второй тео-

долеты. Малая или топографическая съемка производилась астролябиями и планшетами, при 100 и 250-саженномъ масштабѣ на англійскій дюймъ. По возвращеніи въ Осташево, колониюватые занимались отдѣлкою снятыхъ плановъ, вычисленіемъ треугольниковъ, для большой и средней тригонометрическихъ сѣтей, равно и прокладкою ихъ.

Авторъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ о жизни въ Осташевѣ, которая, вдали отъ свѣтскихъ развлеченій, чрезвычайно сближала молодыхъ людей между собою, способствовала основанію самыхъ прочныхъ дружественныхъ связей и возбуждала горячее соревнованіе къ умственнымъ занятіямъ. Муравьевъ всегда умѣлъ отличать тѣхъ, которые того заслуживали, но дѣлалъ это такъ умно, что не оскорблялъ самолюбія другихъ. «Всякій видѣлъ въ его особенномъ расположеніи къ кому-нибудь справедливую дань прилежанію и нравственнымъ качествамъ, такъ что, большею частію, тотъ, кого онъ отличалъ, былъ, въ то же время, любимцемъ и своихъ товарищей». Но тотъ же Муравьевъ не оставлялъ безнаказанными ни одной шалости, а тѣмъ менѣе предосудительнаго поступка; но онъ дѣлалъ это съ величайшимъ тактомъ, осмотрительно, съ совершеннымъ знаніемъ юношеской природы, и всегда принималъ въ соображеніе не столько самый проступокъ, сколько причину, побудившую молодого челоука къ проступку. Онъ ограничивался выговоромъ или увѣщаніемъ, если проступокъ былъ слѣдствіемъ увлеченія, пылаго характера, необдуманности, рѣзвости или прежняго неправильнаго воспитанія; но если проступокъ обнаруживалъ испорченность нрава, если въ немъ проявлялся предосудительный порокъ, то высказаніе было очень строгое, и виновный исключался иногда изъ училища. Какъ противорѣчила муравьевская система воспитанія той, которая господствовала тогда, и гораздо позже, гораздо ближе къ намъ, въ кадетскихъ корпусахъ и считала жестокаія тѣлесныя наказанія вѣрнѣйшимъ средствомъ исправленія юношей!.. Авторъ «Воспоминаній» имѣлъ полное право сказать, что, при укоренившихся у насъ во второмъ десятилѣтіи текущаго столѣтія педагогическихъ приѣмахъ, надобно было имѣть слишкомъ высокое образованіе и особенную твердость и въ характерѣ, и въ убѣжденіяхъ, чтобы дѣйствовать вопреки господствовавшей системѣ военнаго воспитанія. «Надѣвая тогда мундиръ»—говоритъ онъ—«юноша долженъ былъ отказываться отъ своей личности, смотрѣть на все глазами начальника, мыслить его умомъ, дѣлать безъ разсужденія все, что ему приказывалось. Горе было тому юношѣ, который осмѣливался отступить хотя

сколько-нибудь отъ этого правила! Потеря всей карьеры, а нерѣдко и тяжелое наказаніе на всю жизнь было его удѣломъ. Не такъ поступалъ со своими питомцами Николай Николаевичъ. *Онъ радовался даже, когда замѣчалъ прозябаніе самостоятельной личности, и, не стѣсня юный разумъ, старался только направить его на все полезное, на все возвышенное и благородное*. Муравьевъ не переставалъ слѣдить за своими воспитанниками на службѣ, сочувствовалъ ихъ успѣхамъ, дорожилъ вниманіемъ къ нимъ начальства, съ сердечнымъ участіемъ спрашивалъ каждого пріѣзжавшаго въ Москву и являвшагося къ нему (а это всякій считалъ своею непрѣмною обязанностью) о службѣ его самого и всѣхъ другихъ товарищей, и обыкновенно оканчивалъ приглашеніемъ посѣтить училище: «Ну, теперь сходи, братецъ, въ классы, покажись старымъ твоимъ товарищамъ и новобранцамъ — это будетъ и тебѣ и имъ приятно, а многимъ изъ нихъ и полезно. Увидавши тебя, каждый изъ нихъ подумаетъ: какъ бы скорѣе быть тѣмъ же, и постарается лучше учиться».

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если подобное учебное заведеніе, руководимое подобнымъ начальникомъ, давало нашей арміи офицеровъ генеральнаго штаба не только свѣдущихъ по своей спеціальности, но и обладавшихъ многостороннимъ общимъ образованіемъ. Изъ «Воспоминаній» Басаргина видно, что молодые люди живо слѣдили за тогдашнюю литературу, «съ жадностію» — какъ онъ выражается — читали «Исторію» Карамзина, «Письма русскаго офицера» Ө. Глинки, «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, трагедіи Озерова, стихотворенія Жуковскаго и Батюшкова. И на всѣхъ ихъ отразилось могущественное образовательное вліяніе литературы; и всѣ они, несмотря на самыя усиленные занятія математическими и военными науками, именно потому и не подчинились сухой, педантической односторонности, столько непріятной въ такъ называемыхъ спеціалистахъ.

Въ 1824 году училище колоновожатыхъ Муравьева было перемѣщено въ Петербургъ. Поставленное здѣсь въ другія условія, вовсе отличныя отъ прежнихъ, оно, естественно, утратило свои характеристическія черты и вскорѣ умерло.

IV.

Изъ бумагъ графа де-Вальмена, русскаго пристава при Наполеонѣ на островѣ св. Елены.

Редакція «Русскаго Архива» получила отъ сына покойнаго графа де-Вальмена бумаги (на французскомъ языкѣ), заключающія въ себѣ, главнымъ образомъ, донесенія графа въ министерство иностранныхъ

дѣлъ обо всемъ томъ, что онъ считалъ пужнымъ и любопытнымъ сообщать относительно пребыванія Наполеона на островѣ св. Елены. Этимъ объясняется интересъ донесеній и писемъ русскаго пристава при знаменитомъ узникѣ, и изъ нихъ же можно познакомиться съ благородною личностію того, на кого императоръ Александръ I возложилъ трудную и щекотливую обязанность. Редакція сообщила, кромѣ того, какъ введеніе, біографическій очеркъ графа Александра Антоновича де-Бальмена.

Родъ Рамзай-де-Бальменъ одинъ изъ самыхъ древнихъ и знатныхъ въ Шотландіи. Дѣдъ графа Александра Антоновича, принявшій русское подданство, поступилъ въ военную службу и, въ чинѣ командира Троицкаго пѣхотнаго полка, былъ убитъ въ шведскую войну, при Вильманстрандѣ; отецъ же, сначала бывшій генераль-губернаторомъ Бурскимъ и Орловскимъ, прославился потомъ военными подвигами на Кавказѣ, гдѣ и умеръ въ 1790 году. Графъ Александръ Антоновичъ, оставшійся послѣ отца девяти лѣтъ, былъ, по повелѣнію императрицы Екатерины, промаведенъ въ корнеты, зачисленъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ и комѣщенъ, до окончанія воспитанія, въ 1-й кадетскій корпусъ. Въ царствованіе императора Павла, уже въ чинѣ штабсъ-ротмистра, онъ имѣлъ неосторожность ударить въ лицо полицейскаго чиновника, былъ разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, и переведенъ въ армейскій полкъ. Къ его счастью, бѣда эта случилась только за три дня до смерти Павла. Императоръ Александръ возвратилъ молодому офицеру все имъ потерянное; однако графъ де-Бальменъ оставилъ военную службу, поступилъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, состоялъ при разныхъ нашихъ мисіяхъ и только въ 1813 году вновь былъ принятъ въ военную службу подполковникомъ. Кромѣ многочисленныхъ дипломатическихъ порученій, возлагавшихся на графа де-Бальмена въ продолженіе кампаній 1813, 1814 и 1815 годовъ, онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и въ авангардныхъ дѣлахъ, и, въ чинѣ полковника, былъ назначенъ, на основаніи конвенціи, заключенной въ Парижѣ между союзными державами, русскимъ комиссаромъ на островѣ св. Елены. Здѣсь графъ де-Бальменъ находился до мая 1820 года, и за точное исполненіе своей должности награжденъ званіемъ флигель-адъютанта. Въ турецкую кампанію 1828 года, находясь въ свитѣ императора Николая, онъ участвовалъ въ главныхъ сраженіяхъ этой кампаніи и, за отличіе, былъ промозведенъ въ генераль-майоры. Въ 1831 году, въ кампанію противъ польскихъ мятежниковъ, графъ де-Бальменъ состоялъ при главнокомандующемъ

резервною арміею, фельдмаршалъ графъ Остенъ-Сакенъ; въ отставку вышелъ, по совершенно разстроенному здоровью, въ 1837 году; скончался въ 1846 году.

Самое назначеніе на постъ комисара при развѣнчанномъ узникѣ, даже и на голой скалѣ, посреди океана, считавшемся опаснымъ, свидѣтельствуетъ, какъ высоко цѣнилъ императоръ Александръ нравственныя достоинства полковника графа де-Бальмена. Да и вообще императоръ Александръ возлагалъ на него, часто помимо старшихъ, такія порученія, которыя требовали дѣятельности, точности, прозорливости и такта. Этими именно качествами и обладалъ графъ де-Бальмень, и, благодаря имъ, сумѣлъ ужиться съ подозрительнымъ, недовѣрчивымъ и мелочне-придирчивымъ губернаторомъ острова св. Елены, сэромъ Гудсономъ Доу, искусно лавировалъ между французами и англичанами, не оскорбляя самолюбія ни тѣхъ, ни другихъ. Наконецъ, нашъ комисаръ приобрѣлъ довѣріе самого Наполеона, чего тщетно домогались комисары французскій и австрійскій. О честности и безвзрывности графа де-Бальмена краснорѣчиво говорить мало кому извѣстный доннынъ фактъ: Монтолонъ, по приказанію Наполеона, неоднократно и настойчиво предлагалъ ему миліонъ за то, чтобы переслать императору Александру собственноручное письмо Наполеона. Испушеніе было тѣмъ сильнѣе, что де-Бальмень могъ подвергнуться развѣ только официальному выговору за пересылку письма; но онъ могъ и оправдать свой поступокъ состраданіемъ къ плѣннику, даже заслужилъ бы одобреніе... Возвратясь съ острова св. Елены, графъ де-Бальмень откровенно разсказалъ императору Александру воѣ обстоятельства этого дѣла и окончилъ свой разсказъ вопросомъ:

— Si un cas pareil se présentait de nouveau, Sire, si j'étais chargé encore une fois de faire parvenir une lettre de Napoléon à Votre Majesté, pourrais-je le faire sans concourir le blâme et le déplaisir de mon auguste maître. («Государь, если бы подобный случай представился еще разъ, если бы мнѣ вновь поручено было передать письмо Наполеона къ Вашему Величеству (*), могъ-ли бы я сдѣлать это, не подвергаясь порицанію и неблаговоленію моего августѣйшаго монарха?»).

Императоръ Александръ, игравшій, по своему обыкновенію, во время этого разговора, съ аксельбантомъ своего флигель-адъютанта, не отвѣчалъ ничего; но въ глазахъ, въ выраженіи лица государя,

(*) Имѣлось въ виду вторично послать де-Бальмена на островъ св. Елены; но, передъ самымъ его отправленіемъ, получено было извѣстіе о смерти Наполеона.

можно было прочесть утвердительный отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Инструкція, данная графу де-Бальмену предъ отправленіемъ его на островъ св. Елены, показываютъ, съ какими трудностями было соединено исполненіе возложенныхъ на него обязанностей. Первая инструкція, графа Нессельроде, объясняла нашему комиссару, что онъ долженъ находиться въ непосредственномъ распоряженіи графа Ливена, полномочнаго посла въ Лондонѣ, и во всемъ слѣдовать его приказаніямъ. Съ своей же стороны, графъ Нессельроде опредѣлилъ только смыслъ и значеніе мисіи графа де-Бальмена. Онъ указалъ, между прочимъ, на то, что посылка на островъ комиссаровъ другихъ державъ, кромѣ Англіи, не имѣла цѣлю усиленія мѣръ надзора за Наполеономъ, а еще менѣе контролированіе мѣръ британскаго правительства: державы хотѣли лишь придать дѣлу обще-европейскій характеръ, подтвердить, что Бонапарте есть иждивникъ Европы и успокоить общественное мнѣніе, взволнованное во всѣхъ государствахъ. На этомъ основаніи, графу де-Бальмену вѣщено было въ обязанность *тщательно избѣгать всякаго вмѣшательства и обсужденія мѣръ*, которыя будутъ принимать губернаторъ острова и другія англійскія власти. «Роль ваша должна быть *чисто-пасивная*», писалъ Нессельроде; «вы должны все наблюдать и обо всемъ отдавать отчетъ; въ сношеніяхъ же съ англійскими должностными лицами руководитесь такимъ духомъ примиренія, какіе отличаются дружественными отношеніями двухъ союзныхъ дворовъ». Что касается до сношеній съ Наполеономъ Бонапарте, то Нессельроде рекомендовалъ нашему комиссару *соблюдать снисходительность и умеренность*, требуемая и затруднительнымъ положеніемъ узника, и *личнымъ къ нему уваженіемъ*. Поставлялось въ обязанность де-Бальмену ни избѣгать, ни искать случаевъ видѣться съ Наполеономъ, но отмѣчать ежедневно все, что онъ узнаетъ объ немъ и, въ особенности, записывать все то, что его разговоры, съ нашимъ-ли комиссаромъ, съ комиссарами-ли другихъ державъ, или съ иными лицами, могутъ имѣть замѣчательнаго. Упомянувъ, что точный дневникъ, веденный тщательно и правильно, можетъ быть весьма любопытнымъ историческимъ матеріаломъ, Нессельроде прибавилъ: «*Но это обстоятельство никогда не должно уклонять васъ отъ пути вышеуказаннаго*».

Инструкція была подписана графомъ Нессельроде въ Парижѣ 18-го (30-го) сентября 1815 года, а 15-го (27-го) марта 1816 года графъ Ливенъ далъ, въ свою очередь, наставленіе де-Бальмену, заключавшее, впрочемъ, въ себѣ лишь повтореніе инструкціи управ-

лявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Дивенъ обратилъ только, по желанію Нессельроде, частнымъ образомъ, вниманіе де-Бальмена на то, что если бы онъ замѣтилъ какое-нибудь невольное упущеніе въ мѣрахъ надзора за Бонапарте, то откровенно сообщалъ бы обо всемъ губернатору острова, о чемъ просило и само англійское правительство.

Донесенія графа де-Бальмена съ острова св. Елены хотя и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя подробности о Наполеонѣ, уже извѣстными изъ другихъ обнародованныхъ источниковъ, но онъ сообщаетъ много новыхъ фактовъ, о которыхъ умалчивали, въ своихъ депешахъ, комисары другихъ державъ. Прибывъ на островъ св. Елены, де-Бальмень удивился необыкновеннымъ мѣрамъ предосторожности, принятымъ англійскимъ правительствомъ для охраны узника, и въ депешѣ своей отъ 29-го іюня 1816 года признается, что не понимаетъ ихъ существенной необходимости. И было чему подивиться: гарнизонъ маленькаго острова состоялъ изъ трехъ полковъ пѣхоты, пяти ротъ артилеріи, отряда драгуновъ и довольно значительнаго штаба. Съ моря островъ былъ охраняемъ двумя фрегатами, изъ которыхъ одинъ имѣлъ 50 пушекъ, двумя бригами и нѣсколькими шлюпами. Число орудій по берегамъ и внутри острова было громадное (effrayant). На всѣхъ пунктахъ, для прямого и косвеннаго наблюденія за Наполеономъ, поддерживалась строжайшая дисциплина. Въ нѣкоторыхъ частяхъ острова, даже днемъ, можно было ходить не иначе, какъ съ паспортомъ губернатора, а ночью никого не пропускали безъ пароля. Повсюду стояли часовые, были расположены посты и патрули. На ночь домъ Наполеона оцѣплялся карауломъ до утра. Пространство въ нѣсколько миль, въ чертѣ котораго могъ гулять плѣнникъ, постоянно охранялось войсками, было окружено лагерями и защищено цѣлымъ артилерійскимъ паркомъ. Со стороны моря, мѣры предосторожности отличались еще большею строгостію. Въ тотъ день, когда корабль, на которомъ находился нашъ комисаръ, приблизился къ рейду С. Джемсъ, одна изъ батарей форта встрѣтила его 25-ф. ядромъ, потому что адмиралъ Малькольмъ не послалъ никого на берегъ предупредить о своемъ прибытіи. Послѣ вечерняго зареваго выстрѣла, ни одна даже рыбацья лодка не смѣла тронуться съ своего мѣста, и особенные офицеры имѣли исключительную обязанностію наблюдать за всѣми лодками въ продолженіе ночи... Перечислявъ всѣ эти мѣры британскаго правительства, графъ де-Бальмень говоритъ: «Островъ, отдѣленный отъ всего земнаго шара, доступный судамъ только при одномъ направленіи вѣтра и только съ одной

стороны, окруженный нагроможденными другъ на друга утесами, образующими на каждомъ шагѣ пропасти, могъ-бы, кажется мнѣ, быть охраняемъ и проще, и съ меньшими издержками».

Комисаръ нашъ былъ пораженъ тѣмъ неотразимымъ вліяніемъ, которое Наполеонъ, и въ тяжкомъ заточеніи своемъ, имѣлъ на умы: всѣ на островѣ чувствовали его превосходство; франкузы трепетали при взглядѣ на него и считали за счастье служить ему; англичане приближались къ нему съ робостію; даже стражники дорожили его взглядомъ, разговоромъ, словомъ и никто не смѣлъ обращаться съ нимъ какъ съ равнымъ. Только адмиралъ сэръ Джорджъ Коббурнъ хотѣлъ позволить себѣ фамилярное обращеніе съ развѣнчаннымъ императоромъ, что, какъ выразился нашъ комисаръ, было и безтактно, и не деликатно. По поводу такого оскорбительнаго обращенія Наполеонъ сказалъ: «Пусть меня закуютъ въ цѣпи, но пусть отдадутъ мнѣ должное уваженіе».

Объ отношеніяхъ между Наполеономъ и сэромъ Гудсономъ Лоу, губернаторомъ острова, было писано и французами, и англичанами такъ много, что предметъ этотъ слѣдовало бы признать достаточно разъясненнымъ; но показанія графа де-Бальмена получаютъ весьма серьезный вѣсъ потому, что представитель Россіи не имѣлъ причинъ быть пристрастнымъ въ этомъ дѣлѣ судью. По свидѣтельству графа де-Бальмена, Гудсонъ Лоу старался угождать узнику: обращался съ нимъ почтительно, деликатно, переносилъ терпѣливо его выходки, его напризы, словомъ, дѣлалъ все возможное; но, тѣмъ не менѣе—прибавляетъ де-Бальменъ—Лоу былъ его бичемъ. Причина та, что между обоими не было ничего общаго. Одинъ обладалъ умомъ въ высшей степени дѣятельнымъ, тревожнымъ, который и въ заточеніи хотѣлъ владѣть; другой противопоставлялъ этому гениальному уму неистощимый запасъ общихъ мѣстъ, характеръ холодный, подозрительный, отталкивающее обращеніе съ намѣреніемъ быть любезнымъ, тираническую точность въ исполненіи своего долга; короче, тотъ, кто умѣлъ только повелѣвать, находился въ рукахъ того, кто умѣлъ лишь повиноваться. На упрекъ адмирала Малькольма въ несправедливости и недовѣрїи къ такому достойному человѣку, Наполеонъ отвѣчалъ: «Вы правы; быть можетъ, это ребячество съ моей стороны; но человѣкъ не въ силахъ противиться своимъ впечатлѣніямъ. Недостатки Коббурна въ другомъ родѣ: это человѣкъ съ характеромъ, съ обширнымъ взглядомъ: я желалъ бы лучше имѣть его, нежели Лоу».

Сообщая подробности объ образѣ жизни и о занятіяхъ Наполеона въ Лонгвудѣ, де-Бальменъ передаетъ нѣсколько любопытныхъ раз-

говорю съ сѣромъ Малькольмомъ о минувшихъ событіяхъ, со словъ самого Малькольма.

О сраженіи при Ватерлоо разговоръ заключался въ слѣдующемъ.

Наполеонъ. Знаете-ли, что Веллингтонъ рисковалъ черезъ-чуръ. Ему слѣдовало бы отступить, дожидаться союзниковъ. Если бы не пруссаки, онъ былъ бы разбитъ.

Малькольма. Такъ; но герцогъ зналъ, что пруссаки придуть.

Наполеонъ. А почему онъ знаетъ? Если бы Груши исполнилъ свой долгъ, мы не дошли бы до такого положенія. Онъ испортилъ все.

Малькольма. Что побудило васъ открыть кампанію атакою на пруссаковъ? Позиція англичанъ должна была безпокоить васъ больше. Надлежало обезпечить за собою берегъ моря.

Наполеонъ. Я соображался съ характеромъ генераловъ, стоявшихъ въ главѣ войскъ. Пьяница-гусарь (т. е. Блюхеръ), нетерпѣливо желавшій отличиться, бросилъ бы все, чтобы помочь англичанамъ. Тогда я имѣлъ бы противъ себя разомъ слишкомъ большое число непріятелей. Я разбилъ Блюхера, разстроилъ его войска. Груши долженъ былъ воспрепятствовать всякому его предпріятію. Приказанія мои не были исполнены, и послѣдствія вышли не тѣ. Но хотя пруссаки и много сдѣлали, однако слава дня принадлежитъ Веллингтону.

Въ другой разъ, Малькольмъ спросилъ Наполеона:

— Какая была дѣйствительная цѣль вашихъ обширныхъ приготовленій въ Булоннѣ?

— Перевезти моихъ солдатъ черезъ Ла-Маншь, отвѣчалъ Наполеонъ.

— Слѣдовательно, завоеваніе Англіи казалось вамъ легкимъ?

— Оно, конечно, стоило труда быть предпринятымъ.

— Вашего плана никогда не могли разгадать.

— Онъ былъ простъ. Флотъ мой показывалъ видъ, будто готовился отплыть въ Америку съ десантомъ. Я былъ увѣренъ, что наибольшая часть вашего флота послѣдуетъ за нимъ. Тогда Вильневъ, воспользовавшись первымъ благоприятнымъ случаемъ (а ихъ на морѣ является много), долженъ былъ вернуться, пройти въ каналъ по крайней мѣрѣ двумя недѣлями раньше англійскаго адмирала и крейсировать тамъ, пока суда проходили.

О походѣ въ Россію Наполеонъ говорилъ рѣдко. Однажды онъ сказалъ адмиралу Кокбурну: *«Для моей славы, мнѣ слѣдовало бы умереть въ Москвѣ. Тогда въ бѣдствіяхъ Франціи обвинили бы моихъ генераловъ...»*

На вопросъ Малькольма:—«За какое преступленіе былъ осужденъ на смерть герцогъ Ангіенскій?»—Наполеонъ возразилъ:

— Осужденъ? Я не осуждалъ его: я приказалъ его разстрѣлять. Онъ злоумышлялъ противъ меня. Это доказано.

Извѣстіе о смерти зятя своего Мирата онъ выслушалъ равнодушно. Смерть же маршала Нея огорчила его, повидимому, болѣе. «Онъ былъ обезглавленъ!» вскричалъ Наполеонъ; но на отвѣтъ, что Нея разстрѣляли, возразилъ: «Это невозможно! Онъ былъ судимъ перами...» Потомъ, пройдясь по комнатѣ, прибавилъ: «Да, онъ былъ храбръ... онъ былъ храбръ... Но онъ измѣнилъ мнѣ въ Фонтенебло».

Разъ Наполеонъ спросилъ Малькольма:

— Неужели вы вѣчно будете держать меня здѣсь?

— Полагаю, что такъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ другихъ колоній?

— Вамъ было бы неудобно тамъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— То, что дѣлается на островѣ св. Елены, нелѣпо, смѣшно. Вонъ, посмотрите на солдата, что стоитъ на вершинѣ утеса... къ чему онъ? Неужели вы боитесь, что я убѣгу? Да и птицъ это было бы невозможно. Понимаю, почему въѣздъ въ городъ мнѣ воспрещенъ: это естественно. Но вы города я долженъ былъ бы пользоваться свободою.

— И вы пользуетесь свободою. Вамъ не запрещаютъ ѣздить даже и въ городъ.

— Подъ надзоромъ этого офицера (Попльтона)? Я унизилъ бы себя, призналъ бы себя плѣнникомъ, а я не плѣнникъ.

— Однако нельзя признавать васъ и государемъ.

— А почему же нѣтъ! Пусть оставятъ мнѣ почести какъ забаву въ моемъ положеніи. Какой вредъ можетъ произойти отъ того здѣсь, на островѣ?

— Стало быть, васъ должно титуловать императоромъ?

Послѣ минутнаго раздумья, Наполеонъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я подписалъ отреченіе.

Тогда Малькольмъ спросилъ:

— Вы не хотите, чтобы васъ называли генераломъ?

— Со времени возвращенія моего изъ Египта я пересталъ быть генераломъ. Всякое другое имя мнѣ приличнѣе. Называйте меня Наполеономъ.

Комисары французскій и австрійскій, прибывъ на островъ св. Елены, потребовали отъ губернатора свезти ихъ въ Лонгвудъ, чтобы, согласно съ полученными ими инструкціями, удостовѣриться собственными глазами въ существованіи плѣнника; но Наполеонъ ни

за что не хотѣлъ принять ихъ, а нашъ комисаръ отказался присоединиться къ требованіямъ своихъ товарищей — насильно ворваться въ жилище пѣвника. На предложеніе Гудсона Лоу позволить комисарамъ представиться, Наполеонъ отвѣчалъ:

— Если эти господа хотятъ быть представлены какъ частные люди, никто не мѣшаетъ имъ. Пусть они обратятся къ оберъ-гоф-маршалу. Если же они желаютъ видѣть меня какъ комисары, пусть покажутъ мнѣ подлинную конвенцію 2-го августа, и я подумаю.

Адмиралу Малькольму Наполеонъ сказаль по тому же поводу:

— Какъ приму я этихъ господъ? Кто прислаль ихъ? Не Австрія ли, которую я двадцать разъ видѣлъ у ногъ своихъ? Можетъ быть, баронъ Штюрмеръ (австрійскій комисаръ) привезъ мнѣ извѣстія о моей женѣ и о моемъ сынѣ?.. Не императоръ-ли Александръ, которому я оказалъ услугу послѣ тильзитскаго мира? Что онъ сдѣлаль для облегченія моего несчастнаго положенія?.. И не значило-ли бы признать себя пѣвникомъ Европы, если бы я принялъ комисаровъ? На дѣлѣ я, точно, въ пѣвцу здѣсь; но не по праву.

Узнавъ, что французскимъ комисаромъ назначенъ маркизъ де-Моншеню, Наполеонъ воскликнулъ гнѣвно:

— Я знаю Моншеню! Это старый плутъ, болтунъ, каретный генераль (général de carosse), который никогда не нюхаль пороха. Не хочу видѣть его.

Въ минуты унынія, Наполеонъ не разъ говариваль: «Если бы я былъ во власти императора Александра, то желанія мои были бы предупреждаемы. Этотъ государь благороденъ, великодушенъ. Я забылъ бы мое несчастіе». Въ бесѣдѣ же съ сэромъ Малькольмомъ онъ выразился о Россіи такъ:

— Россія, если вы не будете насторожѣ, станеть предписывать законы другимъ. Она теперь сильна на столько, что въ состояніи предпринять многое. Но государь ея миролюбивъ—это большое счастье! Если бы онъ не былъ такимъ, совершились бы великія событія. Одни легкія войска его, казаки, двинутые со всѣхъ сторонъ, наводнили бы собою Европу.

Адмираль Малькольмъ спросиль, какого онъ мнѣнія о русскомъ солдатѣ.

— Русский солдатъ храбръ, крѣпокъ и терпѣливъ.

— Но казаки, повидимому, не слишкомъ хорошая конница?

— Не думайте такъ: они смѣтливы и опаснѣе, нежели какъ вамъ кажется. Они умѣютъ вести малую войну. Быстрые въ нечаянныхъ нападеніяхъ на непріятеля, вѣрно рассчитывая когда надобно

отступать, сами они неуловимы. Они переходятъ изъ одной страны въ другую, не зная ея языка и дорогъ. Они вездѣ живутъ грабёжомъ.... Я никогда не имѣлъ между плѣнными казаковъ.

Адмиралъ Малькольмъ хотѣлъ завести рѣчь о кампаніи 1812 года, но, по обыкновенію, Наполеонъ уклонился отъ этого разговора. Рѣчь коснулась русскаго флота.

— Россіи нужно охранять только свои берега, сказалъ Наполеонъ. Немногочисленный флотъ въ Балтійскомъ Морѣ, другой въ Черномъ, вотъ все, что ей нужно. Морскія силы сверхъ этого — лишнія. Россія не морская держава.

Приводя отзывы Наполеона о Россіи и о русскомъ войскѣ, мы не видимъ надобности опровергать то, что въ нихъ ложно или нелѣпно. Читателямъ это очевидно. Замѣтимъ только, что, и въ тяжкомъ заточеніи своемъ, онъ не упустилъ случая повредить Россіи во мнѣніи англичанъ, своихъ злѣйшихъ враговъ, предостерегая ихъ отъ небывалыхъ завоевательныхъ замысловъ нашего отечества.
